

Помнить вопреки

Кристина Скрипникова

18+

Воины полуночи.

Кристина Скрипникова

Помнить вопреки

«Автор»

2026

Скрипникова К.

Помнить вопреки / К. Скрипникова — «Автор», 2026 — (Воины полуночи.)

Обычный день на заправке обернулся кошмаром: клиент с клыками, спасение от отряда охотников у которых тоже клыки. Блондин приказал забыть, но моя память не стерлась. Теперь он преследует меня. А меня тянет к нему вопреки всему. Кто он — чудовище или тот, кто изменит мою жизнь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Кристина Скрипникова

Помнить вопреки

Глава 1

Рабочий день на заправке подходил к концу. Вернее, моя смена. Я уже мысленно снимала форму и представляла, как рухну на диван с чашкой горячего чая. Оставался последний клиент, и можно закрывать кассу.

Он стоял напротив и нервно переминался с ноги на ногу, словно его что-то жгло. В руках сжимал несколько шоколадок и яркие чупа-чупсы — видимо, для ребёнка. Мужчина был какой-то дёрганый, взгляд бегал, но я не придавала этому значения. Усталость брала своё.

— Добрый вечер, — автоматически сказала я и начала пробивать товар.

Пик. Пик. Пик.

Последним я взяла упаковку сырого мяса. Она была липкой и влажной. Мясо почти растаяло, и, едва я поднесла его к сканеру, на стекло кассы шлёпнулась тёмно-алая капля. Кровь растеклась некрасивым пятном.

— Чёрт! — выругалась я тихо, раздражённо цокнув языком.

Пришлось нагнуться под стойку и достать тряпку. Я вынырнула обратно, уже сжимая влажную ткань в руке, и замерла.

Мужчина наклонился к прилавку. Его язык медленно, с жадным наслаждением слизывал кровь с пластика. Он делал это так, словно пробовал редкий деликатес. Язык скользил по стеклу, оставляя влажный след, а мужчина причмокивал, жмурился и тихо, почти беззвучно урчал от удовольствия.

Тряпка безвольно повисла в моей руке. Я смотрела на эту картину и не могла пошевелиться. В голове — вакуум. Ни одной мысли. Только это мерзкое чмок-чмок-чмок.

Что он делает?..

Я хотела закричать, но голос пропал — словно кто-то сдавил горло.

— Эй! — наконец выдавила я, но голос прозвучал сипло и тихо. — Эй, вы... вы чего?

Он не обратил на меня никакого внимания. Даже головы не поднял. Продолжал слизывать кровь, водя языком по стеклу с нарастающей страстью.

Сумасшедший... Он сумасшедший! Нужно позвать на помощь!

Я судорожно оглянулась. В зале — ни души. Кассирши нет, покупателей нет. Охранник? Я вгляделась в угол — его стул был пуст. Опять! Опять он ушёл на перекур, именно сейчас, когда я одна с этим психом!

— Есть кто?! — крикнула я громче, но голос дрожал. — Ау!

Тишина. Только чавканье.

Мужчина слизывал кровь с таким упоением, что мне стало дурно. Его язык, тёмный от крови, мелькал в свете ламп, а сам он покачивался на пятках, словно в трансе. Я стояла, вцепившись в тряпку, и понимала, что здесь абсолютно одна. Бежать? Но куда? А если он... если он бросится?

Где этот чёртов охранник?!

Внутри всё сжалось от липкого, ледяного страха. А мужчина, причмокивая и довольно жмурясь, продолжал своё жуткое занятие, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Он слизал последнюю каплю крови. Медленно, смакуя, провёл языком по стеклу, собирая остатки. А затем поднял голову.

Я увидела его глаза. Они горели. Красным. Ярким, насыщенным, неестественным огнём — словно в глазницах полыхали угли. Лицо исказилось: это был уже не злобный оскал, а зве-

риная, дикая гримаса. Губы приподнялись, и из-под них показались клыки. Огромные, острые, влажные. Они блестели в свете ламп, и я поняла: это не человек.

— А-а... — вырвалось у меня сиплым, сдавленным звуком.

Я шарахнулась назад. Нога ударилась о стул, я едва не упала, но удержалась. Сделала шаг, потом второй. Спина упёрлась в стеллаж с чипсами. Дышать стало невозможно — грудь ходила ходуном, лёгкие жгло. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая все звуки.

Это сон. Это просто сон. Я сплю. Я сейчас проснусь.

Но он не исчезал. Он стоял напротив, не двигаясь, и смотрел на меня. Красные глаза — немигающие, голодные — впились в моё лицо. Он смотрел на меня как на добычу. Как на кусок мяса, который только что облизал.

— Что... что ты такое? — прошептала я.

Голос прозвучал тихо, почти неслышно. Губы дрожали. Я не узнала собственный шёпот — он был чужим, испуганным, детским.

В ответ он зарычал. Низко, гортанно, из глубины груди. Рык прокатился по пустому залу, отозвался в стенах. Он стоял неподвижно — ни шага вперёд, ни движения. Только глаза следили за мной. Не отпускали. Гипнотизировали.

Беги. Беги, дура! Кричи!

Я открыла рот, чтобы закричать. Набрала воздух...

— «Помогите!» — застряло в горле. Спазм сдавил голосовые связки, выдавив наружу лишь жалкий писк. Я попыталась снова — и не смогла. Горло будто залили бетоном. Страх сковал каждую мышцу, каждую клетку.

А он смотрел. И ждал.

Красный огонь в глазах разгорался ярче.

Его тело ошетинилось. Каждая мышца напряглась до предела — вздулись вены на шее, на руках, даже на висках. Он готовился к прыжку. Я видела это. Чувствовала каждой клеткой. Сейчас он бросится, вцепится клыками в моё горло, и...

Бум!

Окно рядом с кассой взорвалось. Стекло брызнуло во все стороны — острые осколки сверкнули в воздухе, посыпались на пол, на стеллажи. Я взвизгнула и инстинктивно закрыла лицо руками, прижав локти к голове. Сердце пропустило удар, а потом забило где-то в ушах.

Тяжёлые шаги. Много. Грохот ботинок по плитке. И следом — глухой, мокрый шлепок. Кто-то с силой припечатал тело к кассе.

Я медленно опустила руки. Всё ещё дрожа, открыла глаза. Передо мной стояли пятеро. Огромные мужчины — высокие, мускулистые, широкоплечие. Одежда чёрная, облегающая, подчёркивающая фигуры, словно у бойцов. Спортсмены. Или военные. Или... кто-то ещё.

— Минус один новообращённый! — раздался задорный, почти весёлый голос.

Блондин. Высокий, красивый, с длинными волосами, собранными в хвост на затылке. Он держал того психа, придавив его лицом прямо к пикалке на кассе. Мужчина — или то, чем он был — рычал, бился, пытался вырваться, но блондин держал его железной хваткой. Ни слова. Ни крика. Только звериный рык и скрежет клыков по пластику.

Я смотрела и не могла пошевелиться. Ноги приросли к полу. Сознание плыло, картинка перед глазами дрожала.

— Он тебя не укусил? — раздался другой голос. Глубокий, серьёзный, режущий тишину.

Я подняла взгляд. Этот мужчина стоял чуть в стороне, скрестив руки на груди. Тёмные глаза смотрели на меня в упор, без намёка на улыбку. Вопрос явно был адресован мне.

Я открыла рот. Закрыла. Попыталась кивнуть — и не смогла. Тело не слушалось. Я просто стояла, хлопая глазами, как кукла.

— Ах, люди... Какие же они впечатлительные, — недовольно протянул ещё один. Коротко стриженный, с пирсингом в брови, он криво усмехнулся. — Вечно ступор.

— Нужно стереть ей память. Райан, займись, — командовал серьёзный. Его голос не терпел возражений. — А я пойду проверю остальных. Надо выловить всю шайку.

— Он здесь один, — подал голос блондин, всё ещё удерживая рычащего психа.

Серьёзный резко обернулся, сверкнув глазами.

— Они не ходят поодиночке, — отчеканил он каждое слово. — Новообращённые всегда ходят шайкой. Если он здесь — значит, ждём остальных.

— Что ж... — хмыкнул третий, выходя из тени. Высокий, с татуировкой на шее, он потянулся, хрустнув плечами. — Сегодня ночь выдастся весёлой.

— Наконец-то, — весело отозвался парень с пирсингом в брови, довольно улыбнувшись.

Я стояла посреди этого хаоса — разбитое окно, рычащее чудовище на кассе, пятеро незнакомых мускулистых мужчин — и не понимала ровным счётом ничего.

Кто они? Что происходит? Какая память? Какая шайка?!

Голова шла кругом. Я хотела что-то сказать, спросить, закричать, но язык прилип к нёбу. Только смотрела на блондина, который резким и лёгким движением свернул шею в два оборота. Тело того психа безвольно рухнуло на пол. Блондин выпрямился, стряхивая с рук невидимую пыль.

А потом он перевёл взгляд на меня и улыбнулся — на его губах тоже красовались клыки.

— Не бойся, красавица. Сейчас всё объясним.

Райан:

Глава 2

Блондин обошёл кассу. Медленно, размеренно — словно хищник, приближающийся к жертве. С каждым его шагом мои глаза лезли из орбит всё сильнее. Я хотела вжаться в стеллаж с чипсами, стать частью полки, раствориться, исчезнуть — но тело не слушалось.

Он тоже... у него тоже есть клыки.

Я заметила это, когда он улыбнулся. Белые, острые — такие же, как у того психа, который сейчас лежал на полу за кассой с неестественно вывернутой шеей. Блондин свернул её с лёгкостью — словно сухой прут переломил. Хруст я слышала отчётливо. И теперь этот хруст эхом отдавался в висках.

— Всё хорошо, красавица, — голос у него был мягким, вкрадчивым. — Я не причиню тебе зла. Просто немного подправлю тебе мозги.

Он улыбнулся шире. Клыки блеснули.

Я замотала головой. Отчаянно, судорожно.

— Н-не надо... Пожалуйста... — выдохнула я. Голос сорвался на жалкий шёпот, почти мольбу.

Я выставила руки вперёд, пытаюсь защититься. В правой всё ещё болталась тряпка — влажная, грязная, совершенно бесполезная. Смешное оружие против существа, которое только что голыми руками свернуло шею монстру.

— Райан, что ты там с ней копошишься? — раздался насмешливый голос из-за его спины. — Сотри ей память — и всё. И даже не вздумай приглашать её на свидание! Я знаю твои таланты по части соблазнения и то, как ты любишь убажывать женский пол. Но только не с этой расой, понял?

Голос звенел усмешкой.

Райан ухмыльнулся уголком губ — и шагнул ко мне вплотную. Он был огромным. Под чёрной облегающей одеждой угадывались тугие мускулы, каждое движение выдавало тренированное, сильное тело. От него пахло терпко и дурманяще — мужской запах с примесью дорогого сигаретного дыма. Горьковато-сладкий. Парализующий.

Я замерла. Даже дышать перестала.

Он медленно поднял руку. Костяшки пальцев легко, почти невесомо скользнули по моей щеке. Кожа горела от его прохладных пальцев — то ли от страха, то ли от контраста температур. Он убрал прядь волос за моё ухо. Заботливо. Нежно.

— Тише, — шепнул он. — Будет не больно. Обещаю. Посмотри мне в глаза, — мягко сказал он.

Голос звучал ровно, но в нём была сила, которой невозможно послушаться. Я подняла голову. Всё тело дрожало, но я не могла сопротивляться. Его глаза... голубые, почти прозрачные, с тёплым золотистым отливом в середине. Красивые. Опасные. Завораживающие.

Его палец снова скользнул по моей щеке — легко, невесомо, словно перо. Замер на подбородке. Чуть прохладный указательный палец приподнял моё лицо выше, фиксируя голову. А большой палец медленно, мучительно медленно провёл по моей нижней губе. Кожа горела под этим прикосновением.

— Ты такая красивая, — прошептал он, и в его голосе звучала искренняя печаль. — Если бы ты не была человеком... я бы обласкал твоё тело с ног до головы. Услышал бы твой стон от оргазма.

Он замолчал. На секунду в его глазах мелькнула тень сомнения — будто он всерьёз раздумывал, стоит ли делать то, что ему приказали. Или... делать что-то другое.

Но он продолжил. Голос стал глубже, ровнее — словно он читал заклинание.

— Ты нас не видела. Окно разбил наркоман. Он требовал деньги с кассы, но ты не отдала — ты нажала кнопку вызова. Наркоман испугался полиции и убежал.

Пока он говорил, я смотрела в его глаза. И видела, как они меняются. Зрачки темнели, затягивая радужку, становились почти чёрными. А внутри, в самой глубине, зажглись тонкие красные прожилки. Они пульсировали, разрастались, словно трещины в тёмном стекле.

Я стояла и повторяла. Как дурочка. Губы шевелились сами собой, голос звучал монотонно, безжизненно — я слышала его будто со стороны.

— Я не видела... Окно разбил наркоман... Требовал деньги... Я нажала кнопку... Испугался полиции... Убежал...

Я не могла пошевелиться. Не могла моргнуть. Веки словно окаменели. Внутри меня кто-то кричал, бился в истерике, но тело стало чужим, послушным, пустым.

Он закончил. Отпустил мой подбородок. Убрал руку.

Я стояла, глядя в пустоту. А когда подняла глаза — их уже не было. Все пятеро испарились. Растворились в воздухе, как будто их никогда и не существовало.

Только разбитое окно, сиротливо висящая тряпка в моей руке да странный холодок на губах напоминали: это было на самом деле. Или нет?..

Я сглотнула. Моргнула. В голове было пусто и звонко, как в только что вымытом стакане.

В помещение ворвался охранник. Глаза у него были так выпучены, что, казалось, вот-вот выкатятся из орбит и покатятся по полу. Он замер на пороге, обводя взглядом разбитое окно, осколки на полу.

— Венера... — выдохнул он, не веря своим глазам. — Что здесь было-то?

Я моргнула. Сквозь вату в ушах пробивался противный вой сигнализации. Звук был далёким, приглушённым — словно я слушала его из-под толщи воды. Но постепенно он становился громче, реальнее, и вместе с ним возвращалась я.

Что было?..

Я пожала плечами. Движение вышло лёгким, почти безразличным.

— Наркоман приходил, — ответила я, и мой голос прозвучал ровно, спокойно, будто я рассказывала о погоде. — Требовал деньги. Но ушёл.

Охранник перевёл взгляд на разбитое окно. Стекланная крошка хрустела под его ботинками.

— Ушёл? Через окно?

Я улыбнулась. Безмятежно. Чисто. Так улыбаются люди, которым нечего скрывать.

— Да. Испугался копов, когда я нажала на сигнализацию.

Охранник почесал затылок, всё ещё не веря до конца. Он подошёл к окну, выглянул наружу — будто надеялся увидеть убегающего наркомана. Но там была только ночь и пустая улица.

— Повезло тебе, — наконец произнёс он, качая головой. — Могло быть хуже.

Внутри меня билась странная мысль. Она была где-то глубоко, за пеленой спокойствия, навязанного извне. Что-то не так. Что-то было... Но стоило мне попытаться ухватить эту мысль, как она ускользала, таяла, оставляя лишь лёгкий холодок на губах.

Охранник уже говорил по рации с нарядом полиции. А я стояла посреди разбитого магазина и чувствовала, как на губах всё ещё горит чужое прикосновение. И запах дорогого сигаретного дыма, въевшийся в нос.

Венера:

Глава 3

Сегодня случилось то, чего не было за всё время моей работы на заправке. Мне пришлось долго разговаривать с полицией. Они приехали, осмотрели место, задавали вопросы. Вопрос за вопросом — одни и те же, по кругу, но в разной формулировке. А я не могла ответить детально — только стандартные фразы, пустые.

— Наркоман. Хотел напасть. Разбил окно. Убежал, испугавшись сигнализации.

Двое копов смотрели на меня так, будто я была умственно отсталой. В их взглядах читалось: «Она либо врёт, либо глупа как пробка». А я хлопала глазами, мило растягивала улыбку и пожимала плечами.

— Простите. У меня проблемы с памятью, — соврала я, не моргнув глазом.

Один из копов — длинный, худой, но с заметными мышцами на руках, молодой и смазливый — прищурился.

— Ладно. Но мы вас ещё вызовем в участок. Так что выезд из города вам временно запрещён.

Я кивнула. Спорить не было смысла. Да и сил тоже.

Они отошли. Я осталась стоять у разбитого окна, уставившись в тёмный проём. Стекло-ная крошка поблёскивала на полу в свете ламп. И вдруг перед глазами всплыл образ. Красивое мужское лицо. Длинные светлые волосы, собранные в хвост на затылке. Глаза — голубые, с золотистым отливом.

Я нахмурилась. Откуда? Я никогда его не видела.

Или видела?

Память цеплялась за пустоту, но образ не исчезал. Я потёрла лоб пальцами — они слегка вспотели. Лоб занял тупой, ноющей болью.

— Венера!

Голос пробился сквозь пелену. Я вздрогнула.

— Венера! С тобой всё в порядке?

Я повернула голову. На пороге стоял Джош, мой начальник. Лицо обеспокоенное, брови сведены к переносице.

— Я тебя зову, зову, а ты не отвечаешь, — сказал он, подходя ближе.

Я виновато поджала губы.

— Да, всё в порядке. Немного в шоке от того, что произошло. А так... нормально.

Джош смотрел на меня внимательно, с прищуром. Он всегда умел читать меня как открытую книгу.

— Давай я дам тебе неделю отгула, — предложил он, и на его лице появилась мягкая, добрая улыбка. — Нервишки успокоишь.

— Спасибо большое, — выдохнула я. — Думаю, мне и трёх дней хватит, чтобы прийти в себя.

Джош округлил глаза.

— Серьёзно? Три дня? Тебя чуть наркоман не кокнул, а ты говоришь — три дня! Тем более копы от тебя не отстанут, будут допрашивать. Я тут краем уха услышал, как они говорили — видео с камер стёрто. Нигде не видно, чтобы кто-то заходил. И подозревают тебя. В разбое.

Я испуганно уставилась на него. Сердце пропустило удар.

— Касса ведь не опустошена. Ничего не взяли. — И он поспешно добавил: — Я знаю, что это не ты. Просто уверен в тебе. Я буду тебя защищать, если вдруг начнут прямо тебя обвинять.

Он сказал это так уверенно, что у меня зашипало в носу. Джош всегда относился ко мне по-отечески. Знал, что я работник с совестью. Что я не способна на такое.

— Джош... — голос дрогнул. — Я на самом деле не помню, что произошло.

Я призналась честно, чуть ли не плача. Он тяжело вздохнул и шагнул ко мне, приобняв за плечи. Я уткнулась носом ему в плечо, вдыхая знакомый запах кофе и табака.

— Всё будет хорошо, девочка, — сказал он тихо, утешающе. — Мы разберёмся в этом дерьме.

И по-отцовски погладил меня по голове. Я закрыла глаза. В груди билась тревога, но рядом с ним было чуточку спокойнее.

Джош довёз меня до дома. Всю дорогу мы молчали — он лишь изредка бросал на меня тревожные взгляды, но я делала вид, что всё в порядке. Смотрела в окно на ночные огни, но видела только разбитое стекло заправки и чьи-то чужие глаза.

Я вошла в свою маленькую съёмную квартиру. Однушка. Тесная, но привычная. Закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Ноги подкосились, и я медленно сползла вниз по гладкой поверхности, пока не оказалась на полу. Притянула колени к груди, обхватила их руками.

Голова гудела. Тупая боль пульсировала в висках, не проходила, нарастала. Я сжала ладонями голову и закрыла глаза.

И тут начали появляться образы. Один за другим.

Мужчины. Пятеро. Необычные. Высокие, мускулистые — все как на подбор. Одеты во всё чёрное, облегающее, подчёркивающее каждую линию тел. Они стояли передо мной — чёткие, яркие, будто я смотрела на них прямо сейчас.

Слева — парень с пирсингом в брови. Металлический блеск, дерзкая усмешка, от которой по коже бежали мурашки.

Рядом с ним — второй. На шее татуировка, замысловатые узлы и линии, уходящие за воротник. Она казалась живой, пульсирующей в такт его дыханию.

Третий — в центре. Серьёзный, задумчивый. От него веяло холодом, ледяным страхом. Он смотрел сквозь меня, и мне казалось, что он видит каждую мою мысль.

Блондин с хвостом на затылке. Красивый до неприличия. Его лицо прожигало память, губы шевелились, но я не слышала слов. Только ощущала прикосновение — его пальцы скользили по моей щеке, по губам.

И последний. Он стоял молча, в стороне, опираясь плечом на стену. Взгляд — тяжёлый, пристальный. От него веяло такой опасностью, что внутри всё сжималось.

Все до одного — красивые. Нечеловечески красивые. Такие, каких в обычной жизни не встретишь. Будто сошли с обложки глянцевого журнала. Но опасные. Смертельно опасные.

Я открыла глаза. Вокруг — темнота. Только тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь щель в шторах. Меня трясло мелкой, противной дрожью, как в лихорадке.

— Похоже, я схожу с ума от недотраха, — прошептала я самой себе в пустоту. — Мой собственный мозг выдаёт мне нереальных мужиков.

Голос прозвучал хрипло, неуверенно. Я попыталась усмехнуться — вышла жалкая гримаса.

Я опустила голову на колени и зажмурилась.

Глава 4

Я с трудом поднялась с пола. Ноги затекли, колени противно хрустнули, и мне пришлось ухватиться ладонями за дверь, чтобы не рухнуть обратно. На секунду замерла, пережидая головокружение, а потом поплелась в ванную.

В коридоре было темно. Я нащупала выключатель, щёлкнула им — но свет показался слишком ярким, режущим глаза, поэтому я поспешно погасила его, оставив только тусклую лампочку над зеркалом. Включила кран. Холодная вода хлынула мощной струёй, ударила по раковине, разлетаясь брызгами. Я зачерпнула ладонями и жадно плеснула в лицо.

Холодок обжёг кожу, стёк по щекам, по шее. Глаза защипало. Я умылась снова, потом ещё раз — жадно, словно пыталась смыть невидимую грязь. Но головная боль не утихла. Она пульсировала в висках, стучала где-то за глазами, напоминая, что я всё ещё не в себе.

Может, выпить таблетку и просто лечь, забыться?..

— Бум-бум-бум.

Я вздрогнула так, что капли с ладоней плеснулись на футболку. Мокрая ткань противно прилипла к груди, холодя кожу.

— Вот блин! — выругалась я шёпотом, стряхивая остатки воды.

Кого там принесло в такое время?

Стук повторился — настойчивый, громкий. Я замерла, прислушиваясь. Сердце снова ушло в пятки.

Дверь открывать как-то не хочется. Мне хватило приключений на сегодня. А если это полиция, снова решили меня допросить? Они ведь знают, что я уже дома.

Я сглотнула. Осторожно, на цыпочках, стараясь ступать бесшумно, подошла к двери. Приложила ухо и прислушалась: может, постучат да и уйдут?

— Венера! — донёсся женский голос. — Это я, Белла!

Я выдохнула так громко, что, наверное, было слышно даже на лестнице. Плечи расслабились, страх отпустил горло.

Белла. Моя соседка по лестничной клетке. По жизни сова, ночью не спит, потому что работает в стриптиз-клубе. Только ей могло прийти в голову ломиться ко мне после полуночи.

Я поспешно откинула щеколду, повернула замок и распахнула дверь.

На пороге стояла Белла. Красивая. Молодая. Эффектная до неприличия.

Откровенный корсет туго стягивал талию, подчёркивая каждый изгиб, и едва сдерживал роскошный бюст — четвёртый размер, не меньше. Мини-юбка заканчивалась там, где начинались правила приличия. Когда она делала шаг, мне казалось, что я вижу кружево трусиков.

— Ты с работы или на работу? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Белла усмехнулась.

— Я сегодня отпросилась, — сказала она, и её красивое лицо стало серьёзным. В тёмных глазах заплесало беспокойство. — Услышала, что сегодня произошло на заправке, и сразу прибежала к тебе.

Она вытащила бутылку из-за спины и слегка покачала ею, словно трофеем. В её руках блеснул дорогой виски — янтарный, с золотистой этикеткой.

— Утолим твои нервишки?

Я выдохнула, улыбнулась, прислонилась плечом к косяку двери, пропуская её внутрь.

— Сегодня не откажусь, — ответила я, и в голосе проскользнула искренняя благодарность.

Белла процокала каблуками, остановилась, чтобы снять туфли, оперлась ладонями о стенку, удерживая равновесие, чтобы не свалиться, — в другой руке она держала бутылку.

— Давай поддержи бутылку, — предложила я.

Она отдала её и быстро отбросила туфли в сторону. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, глядя, как соседка уверенно шагает в мою гостиную, оглядываясь по сторонам.

— У тебя тут мрачновато, — заметила она, включая торшер. — Ты чего в темноте сидишь?

— Голова болит. Свет режет глаза.

Белла обернулась, окинула меня внимательным взглядом. Её глаза — яркие, с лёгкой подводкой и длинными натуральными ресницами — задержались на моём лице дольше, чем нужно.

— Ты бледная, как привидение, — констатировала она. — Садись давай. Я тут похозяйничаю немного, если не против.

— Хорошо, — кивнула я соглашаясь.

Я и правда не хотела делать лишних телодвижений. Да и гостей ночью особо не ждала. Но сегодня я даже рада, что Белла зашла с вискариком.

Я послушно опустилась на диван. Белла уже хозяйничала на кухне: я слышала, как она достала стаканы, они звонко звякнули в тишине, бросила в них несколько кубиков льда из морозилки и, кажется, плеснула виски. У этой однушки очень тонкие стены — такое ощущение, будто Белла всё делала у меня на виду, а не на кухне.

Она вышла из кухни и подошла ко мне с двумя стаканами виски со льдом.

— На, держи. — Она протянула мне стакан и села напротив, подобрав под себя ноги. Корсет скрипнул. — Рассказывай.

Я сделала глоток. Обжигающая сладость стекла по горлу, разлилась теплом в груди. Хорошо.

— А что рассказывать? — пожала я плечами и сделала ещё один приличный глоток. — Конец смены сегодня дерьмовый вышел.

Я с прищуром посмотрела на Беллу. Ощущение такое, будто она что-то вынюхивает, или у меня уже развилась паранойя?

— А ты откуда знаешь, что на заправке что-то случилось? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее.

Белла откинулась на спинку дивана, расслабленно глотнула виски.

— Городок маленький, — усмехнулась она. — Слух за слухом — и дошло до меня. А потом я вспомнила, что у тебя смена. Ты мне позавчера говорила, что сегодня работаешь.

Она подалась чуть вперёд, и в её глазах заплескались любопытные огоньки.

— Говорят, копов было много — целая свора. Так что случилось на самом деле?

Я отвела взгляд. Пальцы сами собой сильнее сжали стакан.

На самом деле? Если бы я сама знала...

— Наркоман, — сказала я ровно, глядя в стену. — Ворвался, разбил окно, начал требовать деньги. Я нажала на сигнализацию — он испугался и сбежал.

Я перевела взгляд на неё и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла кривой, неубедительной.

— Всё как всегда. Серость и тоска. Ну, за то, чтобы дерьмовые дни заканчивались хорошим виски, — провозгласила она. — И за то, чтобы у тебя всё было хорошо.

— Поддерживаю, — кивнула я, и мы чокнулись.

Белла отпила ещё глоток виски и внимательно посмотрела на меня. В её глазах застыла смесь любопытства и беспокойства.

— Вижу, что тебя виски не особо спасает, — сказала она мягко. — Может, завтра развеемся? Клуб есть хороший. Потанцуем. Музыка, люди, атмосфера. Отличный способ выкинуть дерьмо из головы.

Я покачала головой и отвела взгляд.

— Я не хожу по клубам.

— Так нужно начинать! — Белла всплеснула руками, едва не опрокинув стакан. — Они очень хорошо снимают стресс. Проверено на себе.

Она хитро прищурилась и подалась вперёд, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

— Или у тебя парень есть? Ревнивый? Не отпускает по клубам?

Я горько усмехнулась и сделала ещё глоток. Виски обжёг горло, но не заглушил противного холодка, пробежавшего по спине.

— Нет у меня парня, — ответила я тихо, и в голосе невольно проскользнула грусть.

Перед глазами всплыло лицо. Мерзкое. Липкое. Малкольм.

Воспоминание нахлынуло внезапно. Я поморщилась, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Три года прошло, а внутри всё ещё свербит от отвращения.

Малкольм. Тот ещё придурок.

От него никогда не было романтики. Ни цветов, ни комплиментов, ни прогулок под луной. Только секс. И его пошлые шутки, от которых хотелось залепить ему пощёчину. Мы продержались два месяца. Два месяца, которые я вспоминала как череду унижительных, пустых ночей.

Когда я решила разорвать отношения, он не сдался. Он начал писать с угрозами. Преследовал меня. Ждал у подъезда, под магазином, у заправки, где я работала. Я писала заявления в полицию. Ходила туда как на работу. С десятков бумажек — и всё без толку.

Отреагировали они только тогда, когда этот придурок меня похитил.

Три дня в подвале. Три дня я кричала, билась о бетонные стены, пока не содрала руки в кровь. Меня спасла случайность — уборщица, женщина, которая пришла убирать дом, пока Малкольма не было. Она услышала мои крики. Вызвала полицию.

Его посадили. Суд вынес запрет на приближение, когда освободится. Но осадок остался навсегда.

Я вздрогнула, когда тёплая ладонь накрыла мою руку.

— Венера! — голос Беллы пробился сквозь пелену воспоминаний. — Ты куда провалилась? Ты побледнела вся.

Я моргнула, возвращаясь в реальность. В комнате горел тусклый торшер, а напротив сидела соседка с обеспокоенным лицом.

— Да так, — я через силу улыбнулась. — Одну неприятность вспомнила.

Белла вздохнула, и в её взгляде промелькнуло что-то тёплое.

— Соседка, — сказала она тихо, — что у тебя в жизни творится?

— Не хватит целой ночи, чтобы всё выслушать, — ответила я, чувствуя, как комок подступает к горлу.

— А давай начнём с малого, — не сдавалась Белла. — Ты Расскажи — тебе легче станет. Если боишься, что я кому-то растреплю, можешь не волноваться. У меня здесь нет друзей. Только с тобой могу немного поболтать, и всё.

Она помолчала, и в её глазах мелькнула тень грусти.

— А ты, между прочим, много знаешь обо мне. Моя очередь слушать.

Я посмотрела на неё. Красивая, яркая, в корсете и мини-юбке — но сейчас она не казалась мне легкомысленной.

Я сделала глубокий вдох.

— Ладно, — сказала я, сжимая её ладонь в ответ. — Только ты сама напророчила слушать мои печальные истории.

Белла улыбнулась и подняла свой стакан.

— За это и пьём, дорогая.

Глава 5

Я смотрела на Беллу и ловила себя на мысли, что знаю о ней много — и в то же время ровным счётом ничего.

Она всё ещё оставалась для меня загадочной девушкой. Днём она спит, а ночью бодрствует — и это нормально, учитывая её работу. Белла танцует в стриптиз-клубе. Вернее, она называет себя танцовщицей. Упаси боже назвать её стриптизёршей — обижается, сверкает глазами и может не разговаривать весь вечер.

— Я танцую на подиуме, и всё, — объясняла она мне как-то с гордо поднятой головой. — Раздеваюсь до торса. Соски прикрыты специальными накладками. Пастис.

И никаких частных танцев. Ни за какие деньги. Даже если ей предложат огромную сумму.

— Я не мясо для мужиков, — сказала она мне тогда, и в её голосе звучала стальная уверенность. — Чтобы меня нанизывали, как кусок говядины на шампур.

Я даже не знала, из этого ли она городка или приезжая. Она никогда не рассказывала о прошлом, а я не лезла. Для меня этого было достаточно. Мы не были закадычными подругами — скорее просто соседками, которые поддерживают общение, потому что у обеих здесь друзей — ноль.

Но сейчас, глядя на её красивое личико с натуральными ресницами, которые хлопали в ожидании, пока я начну выкладывать свои проблемы, я почувствовала, что готова открыться.

— Ладно, — выдохнула я. — Слушай. Только это долгая и мерзкая история.

Белла кивнула, поджала под себя ноги и приготовилась слушать. В её взгляде не было нетерпения или любопытства сплетницы. Было тихое, спокойное внимание.

И я начала. Размеренно, неторопливо, будто перебирала старые, покрытые пылью фотографии.

— Его звали Малкольм. Мы встречались три года назад. Всего два месяца, но этого хватило, чтобы я возненавидела слово «отношения».

Я рассказывала. О его пошлых шутках, которые тогда казались мне глупыми, а теперь — мерзкими. О сексе без намёка на романтику. О том, как он не принял расставание. О преследовании, о бесконечных заявлениях в полицию, которые не работали, пока не случилось страшное.

— Он похитил меня, — сказала я тихо, глядя сквозь Беллу. — Три дня в подвале. Я думала, что умру там. Спасла уборщица, которая слышала мои крики.

Белла молчала. Её лицо не выражало жалости — только спокойное понимание. И от этого мне стало легче.

— Его посадили, — закончила я. — Запретили приближаться. Но осадок... он остаётся, знаешь? Как будто внутри что-то сломалось тогда и до конца не склеилось.

Повисла тишина. Я перевела дыхание и наконец посмотрела на Беллу.

— Вот такая у меня история. Теперь ты знаешь, почему я не хожу по клубам и не заводжу парней.

Белла протянула руку и накрыла мою ладонь. Её пальцы были тёплыми, уверенными.

— Спасибо, что рассказала, — сказала она просто. — Это дерьмово. Но ты выжила. И ты здесь. Значит, ты сильнее, чем думаешь.

— Нет, — нервно усмехнулась я, качая головой. — Просто мне повезло.

Вокруг нас воцарилась тишина. Она отпустила мою руку и облокотилась на спинку дивана. Я увидела, как она поджала губы и молчала, опустив голову — будто сожалела, что вынудила меня вспомнить прошлое.

Но не прошло и пяти минут, как Белла хлопнула себя ладонью по ноге и с драматичным вздохом уставилась на пустые стаканы и опустевшую бутылку виски.

— Ой, всё уже закончилось, — простонала она, закатив глаза. — А я ни в одном глазу. Ну как так?

Я зевнула, прикрыв рот ладонью, и поняла, что алкоголь наконец-то сделал своё дело. Нервы понемногу отпускали, тело наливалось приятной тяжестью, и мне отчаянно захотелось спать.

— А я вот наоборот, — ответила я, растирая переносицу. — Спать уже хочу.

Белла жалобно посмотрела на меня, сложив руки в молитвенном жесте. Её глаза блестели в тусклом свете торшера, и в них читалась непоколебимая решимость.

— Ладно. Сегодня спи, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — А завтра пойдём в клуб.

Я почувствовала, как сон начинает улетучиваться. Словно кто-то щёлкнул выключателем внутри головы.

— Белла, я же сказала тебе, что не хожу по клубам, — твёрдо ответила я. — И не ищу приключений на свою пятую точку.

— Не-а, не-а, — она покачала тонким пальчиком с идеальным маникюром. Красный лак блеснул в свете лампы. — Возражений не принимаю.

Я открыла рот, чтобы возразить, но она уже продолжила:

— Тебе нужно отвлечься. Полностью перезагрузиться. А если нет денег — это не проблема. Я тебя угощаю. По-соседски.

— У меня есть деньги, — обиженно бросила я, чувствуя, как во мне закипает раздражение. Не столько на неё, сколько на ситуацию.

— Ну вот и ладненько! — Белла просияла. — Венера, мы просто отдохнём. Потанцуем. И всё. Никаких мальчиков снимать не будем. Если кто и пристанет вдруг — там есть охрана. Они сразу же выпроводят назойливых и тупых самцов в кавычках. — Она подняла обе руки и изобразила пальцами воздушные кавычки, скорчив при этом смешную гримасу.

Затем уже улыбнулась. Легко. Добро. Очень даже душевно.

Я вздохнула. Сопrotивляться этой девушке было бесполезно. Она упёртая, как горный козёл, и если что-то вбила себе в голову — не отступит, пока не добьётся своего.

— Ладно, — сдалась я, чувствуя, как внутри что-то щёлкает. — Твоя взяла. Но только один раз. И всё. Больше меня туда не затащишь.

Я добавила серьёзности в голос, чтобы она поняла: это не шутка.

Белла взвизгнула. По-детски радостно, как ребёнок, получивший долгожданную игрушку. Она вскочила с дивана, и её мини-юбка подпрыгнула, открыв моему взору кружевные, почти прозрачные трусики.

Я почувствовала, как щёки заливают краской. Жар пробежал по шее, уши вспыхнули. Я поспешно отвела взгляд, уставившись в стену.

Но Белла, кажется, нисколько не смутилась. Она крутанулась на месте, явно наслаждаясь победой.

— Отлично! Завтра в десять вечера я за тобой зайду, — объявила она, направляясь к выходу. — И не вздумай передумать!

Она чмокнула меня в щёку и выпорхнула за дверь, оставив меня в тишине маленькой квартиры с горящими щеками и странным чувством, что я только что подписалась на что-то, о чём могу пожалеть.

Я закрыла глаза и прислонилась спиной к спинке дивана, подобрала ноги под себя. Меня окутал лёгкий гул в ушах, а в закрытых глазах плясали цветные пятнышки.

Клуб. Ну что ж, Венера. Главное — не вляпаться в очередную историю.

Глава 6

Цветные пятнышки перед глазами поплыли, закружились в хаотичном танце — и вдруг сменились чёткой, яркой картинкой. Будто кто-то переключил канал в моей голове, и я провалилась в воспоминание.

Я снова на работе. На заправке. Стою за прилавком, но тело не слушается — словно я зрительница в собственном теле, прикованная к месту.

Передо мной — лицо. Красивое. Опасное. На губах играет лёгкая, хищная ухмылка.

Я узнаю его. Блондин с хвостом на затылке. Тот, из видения. Тот, чей образ преследовал меня весь вечер.

Его огромная ладонь ложится мне на горло. Но не сдавливает — нет. Она гладит. Нежно, почти ласково, словно я драгоценная вещь, которую боятся разбить. Большой палец медленно проходит по моей скуле, оставляя за собой дорожку мурашек.

Я не могу пошевелиться. Не могу вздохнуть. Всё тело напряжено до звона в ушах, до дрожи в мышцах. Я смотрю ему прямо в глаза.

Голубые. С тёплым, золотистым отливом вокруг зрачка. Они гипнотизируют, затягивают, лишают воли. В них плещется что-то древнее, тёмное, пугающее — и притягательное одновременно.

А потом я слышу его голос.

Глубокий. Настоящий. Дурманный, как самый крепкий наркотик.

— Если бы ты не была человеком, — произносит он медленно, смакуя каждое слово, — я бы заставил тебя стонать.

У меня перехватывает дыхание. Сердце пропускает удар.

— Ты волшебна, — продолжает он, и его голос обволакивает, проникает под кожу. — Вкусно пахнешь.

Он наклоняется. Медленно, неотвратно. Втягивает воздух у самой моей шеи, вдыхая мой запах. Горячее дыхание касается кожи, и я чувствую, как по телу пробегает рой мурашек. Каждый волосок на затылке встаёт дыбом.

Кровь ударяет в голову, шумит в ушах, заглушая всё вокруг. А внизу, между ног, всё сжимается в тугую, пульсирующий узел. Бешеный, голодный, требующий.

Я хочу оттолкнуть его. Хочу закричать. Понимаю: это сон. Хочу проснуться.

Но вместо этого я замираю. И смотрю в его глаза. И чувствую, как где-то глубоко внутри, в самом тёмном уголке моей души, что-то откликается на его слова.

Что-то, чего я боюсь больше, чем его руку на своём горле.

— Это сон. Это сон, — прошептала я хрипло, с трудом выдавливая из себя слова, словно мантру, способную защитить от наваждения.

Он услышал. И это его позабавило.

Его губы растянулись в улыбке — медленной, хищной, опасной. Шире. Ещё шире. обнажились зубы — белые, ровные, идеальные. Но не это привлекло моё внимание. По краям, чуть заметно, но неоспоримо, выделялись клыки. Увеличенные. Острые. Они опасно поблёскивали в тусклом свете заправки, и при виде их сердце пропустило удар.

— Всего лишь сон, — промурлыкал он, смакуя каждое слово, и его голос стёк по моей коже расплавленным мёдом. — Где можно делать что угодно.

Он склонил голову набок, рассматривая меня, как диковинную зверушку, попавшую в ловушку. Его большой палец всё ещё гладил мою скулу — медленно, гипнотически.

— Нарушая правила, — добавил он почти шёпотом, и в его глазах мелькнул золотистый огонёк. — Обожаю нарушать правила.

Я сглотнула. Горло пересохло, язык прилип к нёбу. Я чувствовала его запах — древесный, терпкий, с горьковатой ноткой чего-то дикого, неуловимого. Он заполнял лёгкие, кружил голову, вытесняя все рациональные мысли.

— Проснись, — приказала я себе одними губами, но голос не слушался. — Проснись, проснись, проснись...

Но сон не отпускал. Он стоял передо мной — слишком реальный, слишком живой, слишком опасный. И его глаза, голубые с золотом, не давали мне отвести взгляд.

Я зажмурилась изо всех сил — так крепко, что перед глазами поплыли оранжевые круги. Только бы не видеть. Не вестись на этот гипноз его проклятых глаз.

Спиной я ощущала проклятую полку с чипсами, которая впивалась в лопатки. Грудью — этого красивого хищника, прижавшего меня к прилавку. Я не знала, что он собирается со мной сделать. Знала только одно: хочу, чтобы он отпустил меня. Исчез. Провалился куда-нибудь. Оставил в покое. Не приближался.

Мне хватило и грёбаного Малкольма.

Почему?

Почему мой мозг так распался, что выдаёт эти картины?

Но в следующую секунду меня накрыло осознание: откуда я знаю этого красавца. Я его помню. И не только его — всех его дружков, огромных и хищных, вылетевших в окно заправки. А ещё — того покупателя, который оказался монстром.

Всё всплыло перед закрытыми глазами. Картинки замелькали, складываясь в мозаику.

Я почувствовала, как его руки нагло скользнули с моей шеи к ключице. Медленно, предвкусно, шурша по ткани моей футболки, подбираясь к груди.

Я судорожно сглотнула. Распахнула глаза.

Его лицо было настолько близко к моему, что я видела каждую ресницу, каждую пору на его коже. Губы почти касались моих губ — миллиметр, может, два. Я чувствовала его дыхание: тёплое, терпкое, дурманящее.

— Я помню! — выкрикнула я истерично, голос сорвался в хрип. — Я тебя помню!

Я дёрнулась, чуть не подпрыгнув, вцепилась в его руки мёртвой хваткой, чтобы он не дотронулся до моей груди.

Он замер. Мгновенно. Как вкопанный.

Я смотрела, как его глаза медленно заполняет чернота. Радужка исчезала, поглощаемая тьмой, и ровно через секунду вокруг зрачка начали расползаться красные паутины — тонкие, пульсирующие, как живые. Его лицо окаменело, превратившись в хладнокровную маску.

Он зарычал. Низко, утробно, откуда-то из самой глубины груди.

— Этого не может быть, — прорычал он мне прямо в губы, и голос его больше не был мёдом. Он стал серой, железом и смертью.

Молниеносным движением он оголил мою шею, грубо повернув мою голову в сторону. Я не успела даже вдохнуть.

Он вцепился мне в шею.

Острая боль вспыхнула, пронзила всё тело — и я вынырнула из толщи сна, как из-под воды. Рвано, судорожно, хватая ртом воздух.

Я вскочила на диване, как ошпаренная. Потеряла равновесие. Кубарем покатилась на пол, едва не свернув шею. Голова со всего маху врезалась в журнальный столик — пустые стаканы и бутылка жалобно звякнули и покатались по полу, разлетаясь в разные стороны.

— Ай, чёрт! — выдохнула я, хватаясь за ушибленную голову и пытаясь прийти в себя.

Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание сбилось. Я сидела на холодном полу, обхватив колени, и смотрела на разбросанные вокруг вещи, пытаясь отделить реальность от сна.

Шея всё ещё горела. Там, где он вцепился зубами.

Я поднесла дрожащую руку к горлу, провела пальцами по коже — и замерла. Но там ничего не было.

Опустила руку и ещё раз выдохнула.

— Это просто дурацкий сон, — прошептала я самой себе.

Но всё, что вспомнилось во сне, я сейчас помню. И моё понимание выдаёт, что так всё и было. Не было никакого наркомана. А другая часть разума пытается дать понять, что не существует таких людей — их нет в природе. Они слишком идеальны.

— Вампиры среди людей, — усмехнулась я. — Сказки, да и только.

Глава 7

За плотными шторами уже пробивался рассвет: тонкий, робкий лучик света просочился сквозь щель и упал на пыльный паркет. Всю ночь горел торшер, разбрасывая жёлтые круги по комнате, но теперь его свет казался бледным и беспомощным на фоне наступающего утра.

Я всё ещё сидела на полу, обхватив колени руками. Тело мелко подрагивало — то ли от холода, то ли от сна, который всё ещё пульсировал где-то под черепом, как заноза.

Кажется, моей психике приходит конец.

Малкольм. Похищение. Три дня в подвале. Я до сих пор не могла оправиться от этого: всюду мне мерещился его силуэт, его походка, его мерзкий голос. Недавно мания преследования начала отпускать, я выдохнула, подумала: «Ну всё, пронесло, жизнь налаживается». И тут, как назло, на работе какой-то наркоша решил кассу гробануть в мою смену.

Или...

Или не наркоман?

В голове снова всплыла картинка. Этот красавчик. Как он красиво ухмылялся, его голубые глаза с золотым отливом... За ним стояли ещё четверо — такие же огромные, такие же красивые, все в чёрном. А клиент, которого я только что обслуживала, трепыхался под рукой, прижатый лицом к кассе этим блондинистым... Кто он? Демон? Ангел? Монстр?

Тот мужик пытался на меня напасть. Его лицо было искажено животным оскалом — лицо человека, но клыки и мимика дикого зверя. А блондин спас меня. Он спас меня от этого недочеловека.

Почему я уверена, что это было на самом деле, а история про наркомана — навязанное воспоминание? Что, если эти красавчики реальны и у них есть сверхспособности?

Я сидела на полу, впиваясь пальцами в колени, и пыталась вспомнить хоть что-то ещё. Но виски заныли тупой пульсирующей болью, разливаясь свинцовой тяжестью по всей голове. Я потёрла дрожащими пальцами виски, но боль не уходила. Она сидела глубоко, корнями врастая в череп.

Пришлось подниматься — медленно, опираясь на ладони, перекатываясь, как старая разбитая кукла. Я встала на ноги, и комната поплыла перед глазами.

Я пошла на кухню за таблетками от мигрени. Шла, пошатываясь, как пьяная. Меня штормило от стены к стене: то и дело я ударялась то плечом, то бедром о дверной косяк. Каждый удар отдавался глухим эхом в больной голове.

«Алкоголь уже должен был выветриться», — подумала я, хватаясь за дверной проём. Но я до сих пор чувствовала себя пьяной.

Я добралась до кухонного шкафчика, открыла дверцу, и пальцы привычно нашарили блистер с таблетками. Я налила в кружку воды и запила таблетку. Прохладная жидкость пролилась по горлу, смывая горьковатый привкус, но не смывая тяжёлого осадка в голове.

На кухне окно не было зашторено. Рассветный свет резанул по глазам, заставив меня поморщиться. Я подошла к окну — уже не так шатко, увереннее, чем минуту назад, — и задернула штору.

— Вот так-то лучше, — выдохнула я.

Безжалостный солнечный свет исчез, и кухня погрузилась в приятный полумрак. Я опустилась на стул, прислонилась спиной к спинке, запрокинула голову и прикрыла глаза, наслаждаясь привычной тишиной квартиры.

Хорошо, что мне дали выходной. Три дня. Думаю, за это время я восстановлюсь и снова в бой — за кассу бензоколонки. А сегодня и следующие два дня я планирую просто выспаться. Всё забыть. Выбросить из головы. А поможет мне в этом кино — любые фильмы, кроме ужа-

сов. Закажу много мороженого и вредной, жирной еды — и буду чиллить. Никаких мыслей о блондинах, золотоглазых монстрах и разбитых окнах.

Не успела я додумать мысль до конца, как в дверь позвонили.

Я открыла глаза и уставилась в сторону прихожей. Перевела взгляд на кухонные часы. Восемь утра.

Кому я понадобилась в такую рань?

Снова звонок. Настойчивее. А следом — тяжёлый стук в дверь.

— Венера Харрис, полиция! — раздался мужской голос, глухой и официальный. — Откройте дверь. Мы знаем, что вы дома.

Сердце пропустило удар.

Я медленно поднялась со стула, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки. В голове пронеслось сразу десять мыслей: о вчерашнем инциденте, о том, что мне говорить. Снова стоять перед ними и тупить или сказать правду? Но если я сейчас всё выложу, они примут меня за умалишённую.

Я сделала глубокий вдох и направилась к двери, стараясь ступать твёрже, чем чувствовала себя на самом деле.

— Иду! — крикнула я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Замок щёлкнул. Я повернула ручку и приоткрыла дверь ровно настолько, чтобы увидеть тех, кто стоял на пороге.

Двое мужчин в форме замерли перед входом с серьёзными, непроницаемыми лицами. Оба средних лет, с прилипшими к головам от утренней жары фуражками. Один из них, чуть полнее, всё же выдавил из себя подобие улыбки и представился, показав значок на груди. Второй — худощавый, с колючим взглядом — сделал то же самое, но с явной неохотой, словно сама необходимость представляться была для него оскорблением.

— Миссис Харрис, — начал первый, стараясь говорить мягко, — мы пришли поговорить ещё раз о том, что произошло вчера на заправке. Если вы не возражаете, мы войдём?

— Я вчера всё рассказала, — ответила я поспешно, инстинктивно вцепившись пальцами в край двери, как будто это могло стать баррикадой. Я не пускала их внутрь. Не сейчас. Не после этого сна. Не после этих воспоминаний.

В голове лихорадочно замесались мысли: «Если я их пущу — начнутся вопросы. Настоящие вопросы. А я не знаю, что им сказать. Если начну врать — они раскусят, решат, что я замешана в этом разгроме. Если скажу правду — про блондина, про клыки, про пятерых в чёрном, про то, как они вылетели в окно, — меня отправят в психлечебницу. Блин. Перспектива не улучшается от моих раздумий. Только хуже».

— Послушайте, — резко вмешался второй полицейский, и его голос резанул слух, как нож. — Либо мы входим в вашу квартиру и разговариваем по душам, либо мы забираем вас в участок как соучастницу разгрома.

У меня перехватило дыхание.

— Как соучастницу? — выдохнула я, чувствуя, как кровь отливает от лица. — Я ничего не делала! Я стояла за кассой, и тут влетел этот...

Я осеклась. Едва не ляпнула правду.

— Этот наркоман, — закончила я неуверенно.

Полицейские переглянулись. Первый вздохнул, снял фуражку и вытер пот со лба.

— Миссис Харрис, — сказал он устало, — мы не хотим создавать вам проблем. Мы просто хотим понять, что произошло. На камерах наблюдения — сбой. Часовая петля. Ничего не записалось. Вы — единственная, кто был там в тот момент. Вы — наш единственный свидетель. Мы не считаем вас соучастницей, но... если вы будете запирайтесь, нам придётся действовать по протоколу.

Я сглотнула. Сердце заколотилось где-то в горле.

Часовая петля. Камеры не записали.
Значит, это правда. Они стёрли всё.
Я посмотрела на полицейских. Потом на открытую дверь. Потом на свои дрожащие руки.
— Хорошо, — сказала я тихо, отступая на шаг и открывая дверь шире. — Заходите.
Только... у меня небольшой беспорядок. И голова раскалывается.
Полицейские вошли.

Глава 8

Полицейские вошли в гостиную, мгновенно заполнив комнату тяжелым запахом дешевого кофе. Худощавый коп сразу приметил на полу два пустых стакана и початую бутылку дорогого односолодового виски. Он остановился, упер руки в бока и выразительно переглянулся с напарником, после чего перевел взгляд на меня.

— Пьете, миссис Харрис? — спросил он, приподняв бровь.

Я выдавила из себя самую дружелюбную улыбку, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

— Что вы, — я покачала головой, стараясь выглядеть естественно. — Просто соседка заходила вечером. Принесла угощение, чтобы немного успокоить нервы. Мы посидели, поболтали, она предложила попробовать её любимый сорт...

Коп скептически прищурился:

— Насколько я помню, наши сотрудники отпустили вас с места преступления уже глубокой ночью. Выходит, она приходила не вечером, а ночью?

— Я же сказала, у меня голова раскалывается после вчерашнего, — я раздраженно потерла переносицу. — Соседка зашла, чтобы помочь прийти в себя. Вот и всё.

— И где же работает эта ваша соседка? — в голосе копа проскользнула насмешка.

Я тяжело вздохнула:

— Танцовщицей в стриптиз-клубе.

Услышав про стриптиз-клуб, коп издал короткий, неприятный свист и скривил губы в сальной ухмылке. Его напарник отозвался тихим, утробным смешком.

Я закатила глаза, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. «Мужланы», — пронеслось в голове, и от их реакции меня буквально передернуло.

— Она просто танцует, — отчеканила я, впиваясь в них тяжелым, немигающим взглядом.

— Ну да, конечно, — закивали они в унисон, обмениваясь многозначительными, масляными взглядами.

Впрочем, один из них быстро взял себя в руки: его лицо вдруг стало подчеркнуто серьезным. Не дожидаясь приглашения, он тяжело опустился на мой диван. Развалившись с вызывающей небрежностью, он широко расставил ноги и закинул руки на спинку, растянувшись во всю длину. Его пальцы, словно в предвкушении чего-то, начали ритмично и нагло постукивать по обивке.

Этот звук — глухие, размеренные удары его пальцев по ткани — действовал на нервы сильнее, чем любой допрос. Он словно отсчитывал секунды моего терпения, превращая мою гостиную в допросную камеру, где я была не хозяйкой, а подозреваемой.

— «Просто танцует», — повторил он, растягивая гласные с издевкой, которая сочилась ядом. Его напарник, всё еще стоявший у дверного проема, скрестил руки на груди, всем своим видом демонстрируя, что никуда уходить не собирается. — Знаете, милочка, мы повидали немало таких «танцовщиц».

Он подался вперед, сокращая дистанцию до минимума. От него пахло дешевым табаком и застарелым потом — запах, который намертво въелся в его форменную рубашку. Его глаза, холодные и цепкие, прошлись по мне с такой откровенной наглостью, будто он раздевал меня взглядом, не заботясь о приличиях.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, но заставила себя не отступить ни на шаг.

— Если у вас есть вопросы по делу — задавайте, — мой голос прозвучал суше, чем я планировала, но в нем не было дрожи. — А если вы пришли сюда, чтобы упражняться в остроумии, то дверь там.

Коп, сидевший на диване, медленно перевел взгляд на своего напарника и коротко хохотнул, но в этот раз в его смехе не было веселья — только угроза. Он не спешил вставать. Напро-

тив, он еще глубже вжался в подушки, словно встая в мое пространство, и медленно вытянул ноги.

— Мы никуда не торопимся, — проронил он, и в тишине комнаты этот шепот прозвучал как приговор. — День только начинается, и у нас есть уйма времени, чтобы освежить вашу память.

Один из полицейских, до этого маячивший у меня перед носом, отстранился. Он неспешно зашагал по комнате, с любопытством разглядывая фоторамки на настенных полках.

— Вижу, живете вы одна, — бросил он, не оборачиваясь. — Родители, небось, в другом городе?

— Какая вам разница, с кем я живу и когда выпиваю? — я не выдержала и взорвалась, метнув в обоих испепеляющий взгляд.

— Да так, формальность, миссис Харрис, — невозмутимо отозвался он.

Второй коп, всё это время неподвижно сидевший на диване, не сводил с меня тяжелого, цепкого взгляда. Он подался вперед, словно хищник, готовящийся к прыжку.

— Напоминаю: каждое ваше слово и любая реакция фиксируются, — он выдержал короткую, давящую паузу. — А теперь ближе к делу. Опишите внешность того, кто так перепугался сигнализации, что сиганул в окно, бросив кассу. Он угрожал вам? Оружие при нем было?

Я сглотнула подступивший к горлу ком, чувствуя, как воздух в комнате становится вязким, почти осязаемым. Их спокойствие пугало больше, чем если бы они начали кричать.

— Я не видела его лица, — мой голос прозвучал глухо, срываясь на хрип. Я обхватила себя руками, пытаюсь спрятать предательскую дрожь в плечах. — Всё произошло слишком быстро. Сирена взвыла, он запаниковал, сбил стул и выпрыгнул. Я даже не успела толком разглядеть, во что он был одет.

Коп на диване медленно поднялся. Его движения были плавными, кошачьими, лишёнными лишней суеты. Он подошел ко мне вплотную, нарушая все мыслимые границы личного пространства.

— Не видели лица? — переспросил он, склонив голову набок. Его глаза, холодные, как два осколка льда, впились в мои зрачки, словно пытаюсь выжечь правду каленым железом. — Странно. Обычно жертвы в таких ситуациях запоминают каждую деталь: цвет глаз, шрамы, татуировки. А вы, миссис Харрис, даже не можете сказать, был ли у него нож.

Он сделал шаг в сторону, обходя меня по дуге, и я почувствовала, как по спине пробежал неприятный холодок. Второй полицейский, всё еще разглядывавший мои фотографии, вдруг хмыкнул, проводя пальцем по рамке с моим детским снимком.

— Знаете, что самое интересное? — второй полицейский резко обернулся. В его улыбке не было ни капли дружелюбия — лишь холодная, профессиональная цепкость. — Бронированное стекло не выбить человеческим телом. Так просто не бывает. Вы что-то недоговариваете или кого-то покрываете?

У меня подкосились ноги. Они не просто допрашивали — они методично загоняли меня в угол, перекрывая все пути к отступлению.

— Я не лгу, — отрезала я, заставляя голос звучать твердо, хотя внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. — Если вы пришли не ловить преступника, а лишь обвинить меня в собственной беспомощности, то, может, вы уже покинете мою квартиру?

Коп, стоявший напротив, издал короткий, сухой смешок, лишённый даже тени веселья. Он медленно сунул руку в карман. У меня перехватило дыхание: я была уверена, что сейчас он достанет наручники. Но вместо них он извлек небольшую визитку и протянул её мне двумя пальцами.

— Если что-то вспомните — звоните по этому номеру. В любое время, — он сделал паузу, глядя на меня с тяжелым прищуром. — И ждите повестку в участок. Без этого никак.

Он перевел взгляд на напарника, который уже закончил изучать фотографии на стене.

— Луис, поехали. Не будем больше досаждать миссис Харрис.

Полицейский отступил, и я наконец смогла выдохнуть. Луис, не проронив ни слова, прошел мимо меня к выходу. У самой двери он обернулся:

— Восстанавливайте память побыстрее, миссис Харрис. Всего хорошего.

Глава 9

Как только за полицейскими захлопнулась дверь, я повернула ключ в замке и обессиленно прислонилась лбом к холодному дереву. Воздух прорывался в лёгкие короткими, судорожными рывками. Я не могла понять, что это: облегчение от того, что они наконец ушли, или ледяной ужас от того, как близко я была к тому, чтобы выболтать правду о тех мускулистых красавцах, которые ворвались через окно заправки и, кажется, спасли меня от лап монстра. Как бы абсурдно это ни звучало.

Впрочем, назвать этих красавцев «нормальными» язык не поворачивался. Стоило мне зажмуриться, как перед внутренним взором вновь возникал тот блондин. Его широкая, хищная улыбка, обнажающая острые клыки, врезалась в память, словно клеймо.

Я резко распахнула глаза, пытаясь отогнать наваждение.

— Нет. Это бред, — прошептала я, и собственный голос показался мне чужим и надломленным. — Просто больная фантазия. Обычный кошмар.

Я с трудом оторвалась от двери и, пошатываясь, направилась к столу, чтобы убрать пустые стаканы и бутылку виски. В голове набатом стучала мысль о том, что я обещала Белле пойти в ночной клуб. Идти туда сейчас, когда реальность трещала по швам, казалось безумием, но оставаться в этой квартире наедине со своими мыслями было ещё страшнее.

Пока я приводила квартиру в порядок, мысли, словно по инерции, тоже начали выстраиваться в стройный ряд, и предательская дрожь в руках наконец утихла.

Между делом я заказала еду. Пусть это был не самый полезный ужин — бургер, картошка фри и кола, — но он принёс долгожданное удовлетворение.

Я не успела оглянуться, как день сменился сумерками, и вечер вступил в свои права.

На душе было беспокойно: я разрывалась между желанием пойти в клуб и жгучим нежеланием покидать уют дома. Меня снова терзали сомнения.

Стоя под струями горячего душа, я лихорадочно перебирала в голове оправдания для Беллы. Может, сослаться на мигрень? На внезапную боль в животе? Но вряд ли она купится на такие дешёвые трюки.

Выйдя из ванной, я обернула тело полотенцем, закрепив его концы на груди. Мокрые тёмные пряди, завивающиеся на концах, тяжёлыми влажными змеями легли на плечи. Я подошла к шкафу и столкнулась с вечной женской дилеммой: «мне совершенно нечего надеть». Гардероб, состоящий из одних лишь джинсов и футболок, казался сейчас до смешного скудным.

Я уже начала придумывать очередную нелепую отговорку, как вдруг мои размышления прервал резкий звонок в дверь. Я вздрогнула всем телом, вцепившись пальцами в дверцу шкафа, и бросила быстрый взгляд на часы. Девять вечера. Для выхода из дома ещё рано. Белла вроде бы говорила: «В десять выходим»... Или в девять?

— Вот блин, я запуталась, — прошептала я себе и поплелась к двери.

— Кто там? — громко крикнула я через дверь.

Глазка в этой двери не было. И, наверное, я единственная, у кого его нет.

— Твоя любимая соседка, — весело протянула Белла.

Щёлкнув замком, я открыла дверь.

На пороге стояла Белла — сияющая, как всегда, уверенная в себе и совершенно неотражимая в своём неизменно откровенном наряде. На этот раз она выбрала платье: тонкая ткань плотно облегла её фигуру, подчёркивая каждый изгиб, а глубокий вырез смело открывал грудь. Выглядело это эффектно, дерзко и безусловно сексуально — именно в стиле Беллы. Её волосы свободно рассыпались по плечам и спине, мягкими прядями обрамляя лицо.

Но стоило ей увидеть меня, как сияние на её лице заметно померкло. Белла окинула меня быстрым, оценивающим взглядом и недовольно сморщилась.

— Ты до сих пор в полотенце?! — Белла округлила глаза и тут же прищурилась. — Только не говори мне, что передумала идти. Между прочим, ты мне обещала.

Она строго погрозила мне пальцем, будто я была непослушным ребёнком, которого застали за попыткой сбежать от наказания.

Я машинально окинула себя взглядом, хотя и без того прекрасно знала, в каком виде стою: босиком, с мокрыми волосами, в одном полотенце, считай, на открытой лестничной площадке. От этой мысли по коже пробежал холодок.

— Заходи, — кивнула я, отступая в сторону. — Ты же вроде говорила, что мы идём в десять?

Белла шагнула в квартиру, а я поспешно захлопнула дверь, пока кто-нибудь из соседей не решил выглянуть на шум и не увидел меня в таком виде.

— В десять мы уже должны быть в клубе, — отрезала Белла, всё ещё явно недовольная. Её взгляд скользнул по моим мокрым волосам, полотенцу и босым ногам. — И у тебя ещё волосы мокрые. Значит так: если через десять минут ты не будешь готова, я хватаю тебя за руку и тащу в клуб прямо в этом виде. Обещания нужно выполнять, Венера.

Я подняла руки вверх, сдаваясь.

— Ладно-ладно. Я просто перепутала время, не злись. Тем более ко мне сегодня копы приходили, все нервы вытрепали.

Я развернулась и прошла в комнату. Перед открытым шкафом снова замерла, мрачно разглядывая свои вещи. Джинсы. Футболки. Ещё джинсы. Ещё футболки. Ни одного варианта, который хотя бы отдалённо напоминал одежду для ночного клуба. От одной мысли, что придётся снова натянуть привычные джинсы и футболку, хотелось застонать.

Белла тем временем устроилась на диване и буквально сверлила мне спину взглядом.

— И что они от тебя хотели?

Я вытащила из шкафа первые попавшиеся джинсы и начала натягивать их на влажную после душа кожу, морщась от неприятного ощущения. Полотенце полетело на дверцу шкафа. Следом я быстро надела лифчик, затем футболку и только после этого обернулась к Белле.

Она посмотрела на мой наряд и скривилась так, будто я только что совершила преступление против моды.

— Пытались расспросить, как выглядел тот наркоман, — сказала я, делая вид, что не заметила её выражения лица. — А что я им скажу, если ничего не помню? Да ещё увидели вчерашнюю бутылку. Наверное, решили, что я каждый день пью без повода, и теперь хотят повесить на меня разбитое окно на заправке.

Белла фыркнула и отмахнулась, будто всё это не стоило и секунды моего беспокойства.

— Ой, да плюнь ты на них. Думаю, больше они к тебе не придут. Повесят это чёртово разбитое окно на какого-нибудь бедолагу — и всё, закроют дело. А наркоманов в нашем городе хоть пруд пруди.

Я замаялась, опустила взгляд и скрестила руки на груди, словно пытаюсь защититься от собственных тревожных мыслей.

— У меня какое-то другое ощущение, — тихо сказала я. — Не думаю, что они так просто отстанут. Будто ищут что-то. Один из них дал мне визитку и сказал позвонить, если я вдруг что-нибудь вспомню. А ещё велели ждать повестку в участок.

Я подняла глаза на Беллу — и впервые за всё время увидела её по-настоящему серьёзной. С лица исчезла привычная насмешливая лёгкость, губы сжались в тонкую линию, а взгляд стал внимательным и мрачным.

— Визитку, говоришь, оставили? — медленно переспросила она. — Дай её мне.

Я не стала спорить. Подошла к креслу, на котором валялись мои вчерашние штаны, и принялась рыться в карманах. Пальцы быстро нащупали плотный прямоугольник картона. Я вытащила визитку, вернулась к Белле и протянула ей.

Она взяла карточку двумя пальцами, будто это была не визитка, а улика, и внимательно посмотрела на напечатанное имя и номер. Несколько секунд молчала, хмурясь, затем перевела взгляд на меня.

— Я возьму её на время, — сказала Белла уже тише. — У меня есть старший брат. Он проверит этот номерок. На всякий случай.

Я медленно опустилась на диван рядом с ней, не сводя глаз с визитки в её руках.

— Твой брат что, ФСБшник? — растерянно спросила я.

Белла подняла на меня взгляд и вдруг улыбнулась — мягко, сладко, почти медово. Но в этой улыбке было что-то такое, от чего мне стало не по себе.

— Почти, — протянула она. — Но поверь мне: как только он проверит этот номер, копы от тебя отстанут.

Она легко похлопала меня по колену, будто хотела успокоить.

— Просто доверься мне, Венера. Как своей соседке с добрым сердцем.

Глава 10

Пока такси везло нас к клубу «Оникс», я никак не могла успокоиться. Стоило ли мне вообще туда ехать? Зачем я согласилась? Сидела бы сейчас дома — закуталась в плед, зарылась бы лицом в ведёрко с мороженым и смотрела какую-нибудь глупую, добрую комедию, ничего общего не имеющую с реальностью. Но с каждой секундой клуб приближался, и внутри меня поднималось что-то липкое, холодное, сжимающее грудь в железные тиски. Это была не просто тревога. Это была паника — настоящая, осязаемая, пульсирующая где-то под рёбрами.

Я сидела на заднем сиденье, уставившись в одну точку, и нервно теребила край футболки. Пальцы сами собой сжимали ткань, отпускали, снова сжимали — будто в этом бессмысленном ритме можно было утопить беспокойство.

Белла заметила. Она скосила на меня взгляд, а потом, не говоря ни слова, накрыла мои руки своей ладонью — тёплой, мягкой, уверенной.

— Всё будет хорошо, — сказала она тихо, но твёрдо. — Не трясись так, Венера.

Я попыталась улыбнуться. Вышло жалко.

— Легко тебе говорить.

— Конечно, легко, — фыркнула Белла, но в голосе не было насмешки. — Потому что я знаю, о чём говорю. Тебе просто нужно отвлечься. Выпьешь немного, потанцуешь, послушаешь музыку. Это нормально. Люди так снимают стресс — в шумных клубах, среди огней, алкоголя и слишком громких басов.

— Звучит как сомнительный метод терапии, — пробормотала я.

Белла усмехнулась.

— Зато проверенный.

Я тяжело вздохнула и отвернулась к окну. Ночной город проплывал мимо — весь залитый огнями, живой, пульсирующий. Вывески магазинов и баров мигали разноцветными пятнами, фонари тянулись вдоль дороги золотыми цепочками, а в мокром после дождя асфальте отражались фары машин. Всё это было красиво — почти завораживающе. Город казался огромным живым организмом: таинственным, шумным, вечно бодрствующим.

На тротуарах мелькали прохожие. Кто-то шёл нетвёрдой походкой, громко смеясь, уже успев начать вечер чересчур весело. Парочка у входа в бар целовалась так увлечённо, словно вокруг не существовало никого. Люди разговаривали, смеялись, курили, ловили такси — и каждый выглядел так, будто точно знал, куда идёт и зачем.

В отличие от меня.

Я отвернулась от окна и снова посмотрела на Беллу.

— Ладно, ты права, — сказала я, выдерживая паузу. — Но только выпьем немного. И уедем домой, когда я захочу. Без уговоров, без «ещё пять минуточек» и без твоего знаменитого «ну мы же только пришли».

Белла подняла руку, точно давала клятву.

— Безусловно. Одно твоё слово — и мы уйдём.

Я прищурилась.

— Обещаешь?

— Обещаю, — серьёзно кивнула она, но в уголках губ уже пряталась хитрая улыбка. — Но я всё равно надеюсь, что тебе понравится.

Я снова вздохнула, уже чуть спокойнее, и откинулась на спинку сиденья.

— Посмотрим.

Такси свернуло на ярко освещённую улицу, и впереди, среди неоновых вывесок и толпы у входа, вспыхнула сияющая надпись: «Оникс». Желудок сжался в тугой узел.

Белла сжала мою руку.

— Дыши, Венера. Мы просто немного повеселимся.

Я кивнула. В голове всё ещё гудел голос сомнения, но я решила ему не подчиняться. Хотя бы на одну ночь.

Машина остановилась неподалёку от входа в клуб.

— Приехали. Выходим, — жизнерадостно объявила Белла, и её голос прозвучал для меня как сигнал к казни.

Сердце в груди ухнуло куда-то вниз, к самым пяткам. Я с трудом заставила себя отстегнуть ремень и буквально выползла из машины — тело дрожало, ноги подкашивались, и я чувствовала себя напигигованной иглами.

На улице было прохладно. Ветерок скользнул по моим ещё влажным волнистым волосам, и я поёжилась, сразу пожалев, что не взяла кофту. Обхватила ладонями предплечья, растирая их в попытке согреться, и оглянулась, выискивая глазами Беллу.

Вокруг царил хаос. Люди смеялись, перекрикивались, кто-то уже заметно шатался. Молодые парни и девушки в вызывающих нарядах — короткие юбки, откровенные топы, обнажённые тела. У некоторых ягодицы едва прикрыты тканью, груди выпирают так, что кажется, ещё шаг — и они вырвутся на свободу. Один симпатичный, высокий парень прильнул губами к груди девушки и прилюдно вылизывал её, будто это самое естественное занятие в мире. Девушка заливалась смехом, запрокинув голову — видно было, что она под чем-то тяжёлым.

Я сморщилась и съёжилась всем телом. И тут же поймала себя на мысли, что стою и плююсь на них в открытую, как заворожённая.

— Чего скукожилась? — голос Беллы выдернул меня из этого неловкого ступора.

Я резко обернулась к ней.

— Что ты делала так долго в машине? — выпалила я с нотками обиды, чувствуя, как раздражение смешивается со страхом. — Я думала, ты меня одну на растерзание оставила. И я замёрзла.

Белла цокнула языком и улыбнулась — беззаботно, легко, будто мы собрались на пикник, а не в клуб, где меня трясёт от одной только мысли войти внутрь.

— Тогда пошли внутрь, — сказала она. — В клубе очень жарко.

Она взяла меня за руку — крепко, почти до боли, — и потащила ко входу, как тряпичную куклу. Я едва успевала волочить ноги, спотыкаясь на ровном месте.

На входе стояли громилы. Как везде. В каждом подобном заведении у дверей дежурят здоровяки, но эти были какими-то особенными. Огромными. Грозными. Они не просто сканировали тебя взглядом — казалось, они видели насквозь, до самых внутренностей. Я нервно сглотнула и едва не поперхнулась слюной — со стороны это выглядело, наверное, нелепо. Девушка в футболке и джинсах, маленького роста, стоит, моргает и смотрит на две горы мускулов снизу вверх.

Я уже хотела развернуться и уйти. Паника никуда не делась — она сидела под рёбрами, пульсировала в висках, подкашивала ноги. Руки дрожали. Но Белла, кажется, была настроена решительно — она затащит меня в этот клуб, даже если мне придётся брыкаться.

— Мальчики, привет! Как настроение? — по-свойски обратилась она к громилам.

Один из них шагнул вперёд, почти вплотную к ней, и улыбнулся.

Он был, безусловно, симпатичным. Но что-то в этой улыбке заставило всё внутри меня похолодеть. В его рту блеснули клыки. Настоящие. Увеличенные. Острые.

Я на автомате сжала руку Беллы так сильно, что та шикнула и обернулась ко мне с вопросительным взглядом.

— Всё хорошо, Венера, — сказала она спокойно, глядя мне прямо в глаза. Её голос звучал ровно, почти гипнотически, будто она пыталась внушить мне эту мысль силой.

Но я не была уверена, что всё хорошо.

Я не была уверена ни в чём.

Я замотала головой и дёрнулась назад, пытаюсь вырвать руку из хватки Беллы, но её пальцы сомкнулись ещё крепче. То ли она была сильнее, чем я думала, то ли от нервов у меня подкосились все силы. Чёрт. Что вообще происходит?

— Что это с ней? — спросил громила, буравя меня взглядом. — Ощущение, что она сейчас в обморок грохнетя.

Белла рассмеялась — легко, непринуждённо, будто я была просто капризным ребёнком, а не девушкой на грани истерики. Она отмахнулась свободной рукой.

— Лонг, не обращай внимания. Она просто перенервничала на работе, вот я и привела её сюда — расслабиться. — Её голос сочился кокетством, а пальчик с идеальным маникюром скользнул по его груди, очерчивая линию.

Лонг перевёл взгляд на Беллу, и его лицо мгновенно смягчилось. Он улыбнулся — довольно, по-кошачьи, будто сметану слизал. Взял её руку, поднёс к губам и едва коснулся поцелуем.

— Думаю, грех не зайти в клуб, чтобы расслабиться, — сказал он, и в его глазах странно блеснуло — поймало свет, отразило что-то чужое, нечеловеческое. — Проходите.

Лонг отступил в сторону, освобождая проход. Белла вся сияла — буквально светилась, — и проходя мимо него, не сводила с него глаз. Он отвечал ей тем же.

Я шла за ней на ватных, подкашивающихся ногах. Она всё ещё держала меня за руку — крепко, не давая шагнуть назад, заставляя идти вперёд.

Охранники были странными. Они смотрели на меня так, будто хотели наброситься. Голодные взгляды. Хищные. И эти клыки у одного из них — я не могла это игнорировать. Сказать себе, что мне показалось, означало бы соврать самой себе. Я ещё пыталась успокоиться: может, здесь тематическая вечеринка? Косят под вампиров?

Но снова обманывала себя. Я помнила тех пятерых громил на бензоколонке. Помнила, как один из них улыбнулся — и в его рту блеснули длинные, опасные клыки.

Я судорожно вздохнула и отвернулась от охранника. Деваться уже было некуда. Я позволила себя затащить внутрь — и назад дороги нет. Но это временно. Сейчас выпью чего-нибудь покрепче, успокою нервы — и сразу домой. Да. Так и сделаю.

Внутри клуба царил своя, отдельная вселенная. Светомузыка взрывала танцпол разноцветными вспышками. Людей было много — и почти все полуголые, иначе не назвать их откровенные наряды. Молодые парни щеголяли обнажёнными торсами, красовались кубиками пресса и бицепсами перед девушками, которым это явно нравилось. Музыка оглушала — ритм бил прямо в грудь, пульсировал в висках, сливался с сердцебиением. В клубе было жарко — не только от температуры, но и от того, что здесь творилось. Какая-то первобытная, дикая энергия витала в воздухе.

Белла остановилась и обвела взглядом помещение, будто что-то искала. Затем довольно улыбнулась и кивнула мне — мол, всё в порядке, мы на месте.

Но внутри меня всё сжалось от дурного предчувствия. Это место не сулило ничего хорошего. И я чувствовала это каждой клеткой своего тела.

— Идём, нам туда! — крикнула Белла, перекрывая грохот музыки. Её голос утонул в басах, и я скорее угадала слова по движению губ, чем услышала.

— Куда? — заорала я в ответ, чувствуя, как связки работают на пределе. Завтра горло будет саднить — это точно.

Но Белла не ответила. Она просто сжала мою руку крепче и потащила вперёд, как нашкодившего ребёнка — сквозь танцующую толпу, сквозь тела, сквозь чужой пот и сладкий запах парфюма.

Мы пробирались через бесконечные ряды танцующих. Люди двигались слишком откровенно, слишком развязно — тёрлись друг о друга, запрокидывали головы, закрывали глаза в экстазе. Меня пару раз хватанули за попу — я резко оборачивалась, прожигая наглецов взгля-

дом, но они уже смотрели сквозь меня, поглощённые ритмом. Кто-то толкнул в плечо, даже не обернувшись. Я закатила глаза.

Как же я ненавижу всё это. Чужие руки, прикосновения без спроса, это ощущение, что твоё тело — просто часть толпы, доступная каждому. Так хочется выбежать отсюда. Или, ещё лучше, врезать парочке наглых недоумков по физиономиям — чтобы запомнили, что трогать без разрешения нельзя. Но толпа не кончалась. Она становилась только плотнее, душнее, жарче.

Но, слава богу, мы наконец выбрались. Коридор встретил нас тёплым приглушённым светом. Музыка перестала долбить по ушам — она превратилась в далёкий гул, почти безобидный.

— Ох, какое облегчение, — простонала я, чувствуя, как плечи отпускает напряжение.

Белла отпустила мою руку и поравнялась со мной.

— Ты как старушка ноешь, — усмехнулась она. — Это же весело — танцевать, кричать, выпивать и на время забыть про все свои дурацкие моральные устои.

— Белла, я тебе вчера рассказывала историю про своего бывшего, Малкольма? — спросила я с укором.

Она закатила глаза.

— Это всё в прошлом, детка. Живи сейчас. Между прочим, мой брат так говорит. И он всегда берёт от жизни всё по максимуму.

— Я не твой брат.

— А жаль. — Она на миг задумалась, и в глазах мелькнула хитринка. — Надо тебя с ним познакомить.

Я ошетибилась.

— Нет! Я ни с кем не знаколюсь!

— Мда, пропащая душа. Тебя срочно нужно возвращать в нормальную жизнь, — сказала Белла с неожиданной серьёзностью.

— А ты что, спаситель душ? — буркнула я.

Она даже не обиделась. Только усмехнулась — и в её глазах заплясали бесенята.

— Лично для тебя — да. Чисто по-соседски.

Мы подошли к очередным дверям. У них стояли охранники — такие же громадные, с такими же тяжёлыми взглядами. Они молча распахнули перед нами створки, и мы вошли внутрь.

Я замерла.

Это было совсем другое место. Музыка здесь звучала приглушённо — мягкий, расслабленный джаз, который не давил, а окутывал. В стороне тянулась барная стойка из тёмного дерева, за которой сидели люди в дорогой, безупречной одежде. Девушки — как с обложки глянца: ухоженные, с идеальными укладками, в платьях, которые стоили больше, чем моя месячная аренда. Мужчины — высокие, статные, с лёгкой тенью превосходства во взглядах. Они не кричали о своей значимости — она читалась в осанке, в каждом жесте.

В другом конце зала стояли бильярдные столы. Зелёное сукно мягко поблёскивало под низкими лампами. Несколько парней лениво перекатывали шары, попивая виски.

Я выдохнула. Здесь было спокойно. Почти уютно.

Но внутри меня всё равно не отпускало. Это место было слишком правильным. Слишком красивым. Слишком не таким, каким должно быть.

Я мысленно окинула себя взглядом и поморщилась. Что я здесь делаю? Я выгляжу как бомж с вокзала — джинсы, футболка, кроссовки. Среди этих холёных девушек в шёлке и каблуках я чувствовала себя нашкодившей школьницей, случайно забредшей на взрослую вечеринку.

Белла уже сделала шаг в сторону бильярдных столов, но я дёрнула её за руку.

— Стой! Нам не туда.

Она обернулась, вопросительно приподняв бровь.

— Там барная стойка, — уточнила я. — Мне туда.

— Мне нужно брата найти. А потом выпьем.

— Нет, — твёрдо сказала я, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Мне очень нужно сейчас туда.

Белла вздохнула, но улыбнулась.

— Хорошо. Иди туда, я к тебе приду. Ты ведь не убежишь? — она подмигнула.

— Не убегу, — пообещала я, хотя сама не была в этом уверена.

Белла отошла, и я осталась одна. Я медленно обвела взглядом зал и заметила странную вещь: никто на меня не смотрел. Будто меня не существовало. Все были заняты своими делами — разговаривали, смеялись, пили, обнимались.

Обнимались? Я присмотрелась. И здесь тоже целовались и прижимались друг к другу — слишком откровенно, слишком жадно. Да они что, издеваются? Под приглушённую музыку люди двигались медленно, методично, будто в каком-то ритуале.

Я уже хотела отвернуться и направиться к бару, как вдруг моё сердце пропустило удар.

В дальнем конце зала, у бильярдного стола, стоял ОН.

Белые волосы, собранные в хвост на затылке. Светящиеся голубые глаза — почти неестественные, будто подсвеченные изнутри. И эта улыбка. Откровенная, хищная, знающая.

Он смотрел прямо на меня. С интересом. С жадностью. Он пожирал меня взглядом, и в этом взгляде читалось что-то первобытное, почти голодное. Он уже раздевал меня глазами.

Я одеревенела. Глаза расширились, дыхание перехватило, в груди заколотилось сердце так, что, казалось, его слышно всему залу.

Этого не может быть. Тебе кажется. Его не существует.

Но моё сознание кричало: он существует. Я помню его. Тот самый. С бензоколонки. С кляками. С этим взглядом, от которого кровь стынет в жилах.

Венера, отвернись. Иди к барной стойке. Сделай вид, что не заметила его. Сделай вид, что ты здесь просто так.

Я с усилием отвела взгляд и, чувствуя, что ноги стали ватными, заставила себя идти к барной стойке. Каждый шаг давался с трудом — я ощущала, как его взгляд прожигает мою спину, затылок, шею. Он следил за каждым моим движением. Я чувствовала себя голой, прозрачной, незащищённой.

Я рухнула на высокий стул у стойки, надеясь, что барная стойка хоть немного скроет меня от этого взгляда. Ко мне тут же подошёл бармен — смазливый, с лёгкой улыбкой, которая, видимо, нравилась девушкам.

— Что предпочитаете выпить? Или подсказать? — спросил он с откровенным заигрыванием.

Я подняла на него глаза и выдохнула.

— Что-нибудь, что убьёт мою память до завтрашнего дня.

Бармен приподнял бровь и задумчиво улыбнулся.

— Трудный день?

— Вы не представляете, насколько, — ответила я, чувствуя, как голос срывается.

— Есть один напиток, — сказал он бодро, — вы не пожалеете.

Он кивнул и принялся колдовать за стойкой, смешивая ингредиенты с ловкостью фокусника.

Я смотрела на его руки, замороженная ловкостью, с которой он смешивал напитки. Лёд звенел о стекло, жидкости переливались в свете ламп, и на мгновение мне почти удалось забыть о том взгляде, прожигающем спину. Почти.

Наконец бармен поставил передо мной бокал на изящной ножке. Внутри переливалась янтарная жидкость, украшенная тонкой долькой цитруса.

— Прошу, пробуйте. Вам понравится, — он подмигнул, и в его голосе звучала уверенность.

Я сделала глоток. Вкус взорвался на языке сложной палитрой — сладкое, горькое, кислое, с тёплым древесным послевкусием. И вместе с этим по телу разлилось неожиданное спокойствие, мягкое и обволакивающее. Я одобрительно улыбнулась и позволила себе расслабиться на высоком стуле, отставив плечи назад. Взгляд в спину? Какой взгляд? Мне было всё равно.

— Ух, ты уже начала? — рядом приземлилась Белла, легко коснувшись моего локтя.

Я повернулась к ней, чувствуя, как на губах сама собой расплывается блаженная улыбка.

— Здесь отличные напитки. Стресс снимают в одну секунду, — сказала я бодро, даже удивляясь собственной лёгкости. — Ну что, нашла своего брата?

— Почти. — Белла хитро прищурилась. — А ты уже хочешь с ним познакомиться? Вот это тебя унесло.

Я скривилась.

— Нет. Спросила из вежливости.

— Он сейчас подойдёт сюда. — Белла посмотрела куда-то через моё плечо, и её лицо озарилось радостью. Она помахала рукой. — Мы здесь!

Я не стала оборачиваться. Вместо этого уткнулась в бокал, наслаждаясь тёплой волной, разливающейся по телу. Напиток делал своё дело — мир казался

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.